

**РОССИЙСКАЯ ЖЕНЩИНА
В ДИСКУРСЕ ДОМАШНЕГО
НАСИЛИЯ**

Дипломная работа
Отделение языковедения
Кафедра русского языка и культуры
Университет г. Ювяскюля
Весна 2008 г.
Сайя-Леена Аарнос

JYVÄSKYLÄN YLIOPISTO

Tiedekunta – Faculty Humanistinen tiedekunta	Laitos – Department Kielten laitos
Tekijä – Author Aarnos Saija-Leena	
Työn nimi – Title Rossijskaja zhenshtshina v diskurse domashnego nasilija (Venäläinen nainen perheväkivaltadiskurssissa)	
Oppiaine – Subject Venäjän kielen ja kulttuurin oppiaine	Työn laji – Level Pro gradu
Aika – Month and year Kesäkuu 2008	Sivumäärä – Number of pages 57
Tiivistelmä – Abstract Käsittelen pro gradu -työssäni naiskuvaa perheväkivaltadiskurssissa Petroskoin valtionyliopiston sosiaalityön laitoksella pidetyn vierailuluennon pohjalta. Luennon piti paikallisen naisille suunnatun kriisikeskuksen johtaja, ja luennon aiheena oli miesten naisiin parisuhteessa kohdistama väkivalta. Luennon aiheena ollut ilmiötä nimitetään venäjäksi käsitteellä domašnee nasilie, joka kääntyy suomeksi kirjaimellisesti kotiväkivallaksi. Käytän työssäni edellä mainittua käsitettä, vaikka tiedostan, että se piilottaa näennäisen neutraaliutensa alle naisiin parisuhteessa kohdistuvan väkivallan sukupuolittuneen luonteen. Perustelen käsittevalintaani sillä, että se on laajalti käytössä venäläisessä alan tutkimuksessa ja aihetta käsittelevässä kirjallisuudessa, kuten myös tutkimusaineistossani. Perheväkivaltakeskustelu ja -tutkimus on Venäjällä suhteellisen uutta. Useimmiten sen ilmaantuminen sijoitetaan 90-luvun alkuun, Neuvostoliiton jälkeiseen naisliikkeen järjestäytymiseen ja kontakteihin läntisen feminismin kanssa. Pro gradu -työssäni tarkastelen lyhyesti naisiin kohdistuvan väkivallan erityispiirteitä ja valotan muutamia, erityisesti venäläisessä keskustelussa keskeisiä perheväkivallan selitysmalleja. Lisäksi esittelen kriisikeskusten ja niiden yhteydessä toimivien turvakotien historiaa. Työni varsinaisena tarkoituksena on kuitenkin kysyä yllä mainitun vierailuluennon pohjalta, kuinka naiskuvaa tuodaan esille perheväkivaltaa käsittelevässä diskurssissa. Vastaukseen pyrin kysymällä millaista kuvaa luodaan toisaalta väkivallan kohteeksi joutuneen naisen persoonasta ja ulkoisesta olemuksesta, toisaalta hänen toimintavaihtoehtoistaan perheväkivaltatilanteessa. Lisäksi tarkastelen tutkimusaineistoni pohjalta naisen mahdollisuuksia vaikuttaa perheväkivaltailmiön ratkaisemiseen. Lähestyn aihettani ja tutkimusaineistoani kriittisen diskurssianalyysin keinoin. Kriittinen diskurssianalyysi on kiinnostunut kielen ja yhteiskunnan eri ilmiöitten keskinäisestä suhteesta. Kriittiselle diskurssianalyysille on myös tyypillistä kiinnostus sellaisia ilmiöitä kohtaan, joissa yhteiskunnalliset ongelmat kiteytyvät tai joissa voidaan havaita tapahtuvan muutoksia, kuten myös perheväkivallan suhteen tällä hetkellä Venäjällä ja kansainvälisesti tarkastellen tapahtuu. Työssäni käytän soveltuvien osin Norman Faircloughin kehittelemää kolmiulotteista viestintätilanteen analyysimallia käsitellessäni aineistosta tutkimuskysymysten pohjalta esiin nostamiani kokonaisuuksia. Osoitan työssäni, että tarkasteltavassa tutkimusaineistossa voidaan havaita keskenään ristiriitaisia diskursseja, jotka luovat vastaavasti ristiriitaisista kuvaa naisesta ja naisen mahdollisuuksista vaikuttaa oman tilanteensa ratkaisuun. Nainen kuvataan passiiviseksi, miehestään riippuvaiseksi ja kärsimään tottuneeksi, mutta samanaikaisesti häneltä odotetaan aktiivisia ratkaisuja ja toimintaa tilanteessa, jonka lopullisen ratkaisun koetaan kuitenkin olevan miehen hallussa.	
Asiasanat – Keywords perheväkivalta, parisuhdeväkivalta, turvakoti, naiskuva, kriittinen diskurssianalyysi	
Säilytyspaikka – Depository	
Muita tietoja – Additional information	

СОДЕРЖАНИЕ

1	ВВЕДЕНИЕ	5
1.1	Цель исследования.....	7
1.2	Метод и материал исследования	7
2	О КРИТИЧЕСКОМ ДИСКУРС-АНАЛИЗЕ	9
2.1	Общие положения КДА.....	10
2.2	Два определения дискурса	11
2.2.1	Использование языка в социальной практике	11
2.2.2	Дискурс как точка зрения	13
2.3	Взаимовлияние дискурса и общества	13
2.4	К анализу коммуникативного события	14
2.4.1	Анализ измерения текста.....	16
2.4.2	Анализ дискурсивной практики.....	16
2.4.3	Анализ социальной практики.....	17
3	ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ В РОССИИ	19
3.1	Некоторые особенности домашнего насилия.....	20
3.2	Статистические данные о домашнем насилии.....	21
3.3	Объяснения об истоках домашнего насилия.....	24
3.3.1	Наследие патриархата	24
3.3.2	Кризисные времена и социальные перемены.....	26
3.4	Женское движение и появление кризисных центров	27
4	ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В КОНТЕКСТЕ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ	31
4.1	Женщина как объект насилия	32
4.2	Реагирование женщины на ситуацию насилия	35
4.2.1	Предположения на фоне насилия	36
4.2.2	Чувства стыда и вины	38
4.2.3	Уход из дома.....	39
4.2.4	Внутреннее изменение.....	41
4.2.5	Терпение – с наградой.....	43
4.3	Роль языковых отношений в репрезентации домашнего насилия	45
4.4	Выводы.....	48
5	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	53
	ЛИТЕРАТУРА.....	55

1 ВВЕДЕНИЕ

Темой нашей дипломной работы является репрезентация женщины в контексте обсуждения домашнего насилия на материале записанной нами лекции по домашнему насилию. Работа основывается теоретически и методологически на подходе критического дискурс-анализа, разработанного лингвистом Норманом Фэрглафом (Norman Fairclough 1993, 1997, 2005).

Тема домашнего насилия является весьма актуальной в России. Российская Федерация приняла несколько международных соглашений, которые обязывают к заботе об осуществлении равных прав своих граждан, в том числе и женщин. В 1996 г. постановлением Правительства РФ №6 была утверждена Концепция улучшения положения женщин в Российской Федерации (Фрида 2007, 57). Россия также подписала ряд международных документов, которые направлены на защиту прав женщин, в частности, Конвенцию ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (сокращенно встречается часто в форме CEDAW). Конвенция ратифицирована уже в 1981 году, и после ее принятия определение и значение дискриминации расширили. Согласно Конституции РФ, международные соглашения являются неотъемлемой частью правовой системы страны. (Отчет 2006.)

Начиная с 1990-ых гг., в России проводятся исследования по теме насилия в семье и супружеских отношениях (см., напр., Горшкова и Шурыгина 2003, Римашевская и др. 1999), появляются кризисные центры для женщин, подвергавшихся насилию (см., напр., Pashina 2004; Liapunova, Drachova 2004). Ситуация домашнего насилия в России интересует и финских исследователей. Изучается деятельность женских кризисных центров (см., напр., Saarinen 2005) и представления сотрудников кризисного центра о мотивах насилия в партнерских отношениях (Jäppinen 2006). Относительная новизна темы домашнего насилия в сфере интересов активистов и ученых в России и возможные изменения в отношении к проблеме на государственном и общественном уровне делают тему актуальной и интересной для исследования. Мы надеемся, что наша дипломная работа пойдет на пользу всем, кто занимается проблемой домашнего насилия в России и Финляндии.

В феврале текущего года министр внутренних дел Рашид Нургалиев выступил с речью за круглым столом, посвященном вопросам профилактики насилия в семье. В своем выступлении Нургалиев считает нужным создавать реабилитационные службы помощи семьям, в которых распространены конфликты и насилие. Кроме того, он считает нужным создание приютов временного пребывания для жертв насилия и телефонов доверия. (Аликина 2008.) При этом Нургалиев отмечает, что самой большой проблемой с точки зрения правоохранительных органов является скрытность преступления. Это объясняется тем, что большинство пострадавших не обращаются за помощью в соответствующие государственные органы и общественные организации. (Фалалеев 2008.)

В этой работе мы будем говорить о явлении насилия в отношении женщин с помощью понятия «домашнего насилия». Кроме этого понятия, используются и другие, в большей или в меньшей степени синонимические ему понятия, такие как «семейное насилие», «насилие в семье», «насилие в отношении женщин». Понятия «семейное насилие» и «домашнее насилие» критикуются, потому что в них отношения между членами семьи останутся неясными – непонятно, кто является насильником в отношении кого. Мы понимаем, что в своей нейтральности выбранное нами понятие «домашнее насилие» скрывает

гендерный¹ аспект насилия, и то, что в действительности в большинстве случаев насильником является мужчина. (См., например, Римашевская 1999, Фрида 2007, Husso 2003, Nenola 2006.) Однако, хотя мы осознаем, что проблема насилия является гендерной, мы выбираем понятие домашнего насилия из-за того, что на основе тех разговоров, лекций и научной литературы, с которыми мы сталкивались, мы считаем, что оно является самым распространенным в России. Проблема насилия в отношении женщин обсуждается и понимается, как правило, неотъемлемо от насилия в отношении детей. В этом контексте использование понятия домашнего насилия является, по нашему мнению, обоснованным. (См. подробнее об определениях насилия в отношении женщин в третьей главе.)

План нашей дипломной работы строится в следующем порядке: в первой главе, во введении, сначала обосновываются тема и цель работы, затем описывается материал исследования. Во второй главе определяются необходимые для проведения анализа теоретические положения и понятия КДА. В третьей главе обсуждается ситуация домашнего насилия в России. В четвертой главе приводится анализ лекции. Сначала рассматривается представление женщины с двух перспектив: какой представляется женщина, подвергавшаяся насилию и какими представляются возможные действия женщины в ситуации насилия в отношении ее. Затем анализируется влияние отношений говорящего и слушателей лекции на представление о том, кто является ответственным за решение проблемы домашнего насилия. В пятой главе, в заключении, подводятся итоги работы и предлагаются альтернативные подходы к анализу текста.

¹ «Понятие гендер отражает идею социального конструирования различий между женщинами и мужчинами. Гендер создается (конструируется) обществом как социальные модели женственности и мужественности, которые определяют положение и роли женщин и мужчин в обществе и его институтах (семье, политической структуре, экономике, культуре и образовании, и др.). Система норм поведения, предписывающая выполнение определенных половых ролей, опирается на жесткие представления о том, что представляет собой “мужское” и “женское” в данной культуре.» (Глоссарий, s.v. *гендер*.)

1.1 Цель исследования

В настоящей работе рассматривается представление женщины в дискурсе домашнего насилия на примере лекции по теме домашнего насилия. Перед этим сначала представляется теория критического дискурс-анализа. Затем характеризуется явление домашнего насилия и определяется исторический и социологический контекст работы профилактики домашнего насилия в России.

На основе критического дискурс-анализа мы попытаемся конкретно ответить на следующие вопросы: Какой представляется женщина, подвергавшаяся домашнему насилию? Как женщина реагирует в ситуации насилия? Какой является роль женщины в решении проблемы домашнего насилия?

1.2 Метод и материал исследования

Настоящее исследование – анализ единого случая (case study) о том, какими способами образ женщины репрезентируется в дискурсе семейного насилия. Методом проведения исследования является критический дискурс-анализ, представляющий собой и теорию, и метод в одном комплекте (см. глава 3). Материалом исследования является одна лекция, посвященная теме домашнего насилия. Лекция, обращенная к студентам социальной работы, была прочитана в г. Петрозаводске в Республике Карелии на кафедре социальной работы Петрозаводского государственного университета в начале декабря 2007 года. Лекция осуществилась в рамках международной кампании «16 дней против насилия».

Лектор анализируемой лекции работает заведующей муниципальным отделением помощи женщинам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, входящим в Комплексный центр социального обслуживания населения «Истоки» г. Петрозаводска, и состоящим из двух подразделений.

Консультативное подразделение оказывает услуги психолога, юриста, конфликтолога, и стационарное подразделение предоставляет возможность временного проживания для женщин и детей, пострадавших от насилия в быту. Как в главе 2 отмечается, лекция проводилась в рамках кампании «16 дней против насилия». Местные СМИ обратили внимание на тему домашнего насилия, и на лекции присутствовало телевидение.

Лекция делится на две части. Первая часть состоит из представления говорящего, описания характеристик домашнего насилия и представления работы местного кризисного центра. Вторая часть посвящена вопросам студентов. В ходе обеих частей лекции приводятся примеры из практики кризисного центра, рассказываются истории отдельных женщин. В нашем анализе первая и вторая части не рассматриваются отдельно, а как один текст.

Лекция, прочитанная в университете, была записана в формате mp3. Литерация записанного материала осуществлена на Кафедре социологии Государственного университета г. Санкт-Петербурга в январе 2008. В литературе соблюдается примерная орфография стандартного русского литературного языка.

2 О КРИТИЧЕСКОМ ДИСКУРС-АНАЛИЗЕ

В этой главе мы сначала кратко охарактеризуем общие для всех направлений критического дискурс-анализа положения. Затем перейдем к рассмотрению подхода, разработанного британским лингвистом Норманом Фэрглафом (Norman Fairclough). Аналитическая часть данной работы основывается именно на подходе Фэрглафа. Выбор подхода Фэрглафа не из самых простых, так как Фэрглаф работает над критическим дискурс-анализом (далее КДА) уже в течение почти тридцати лет и постоянно развивает свои методы, уточняет и меняет названия понятий. Поэтому мы опираемся в основном на его работу 1992 года, «Discourse and Social Change» (в данной работе используется издание 1993 года), в которой он описывает свой метод для критического дискурс-анализа. Особое внимание обращается на разработанную Фэрглафом трехмерную модель для анализа конкретных коммуникативных ситуаций. При этом определяются самые основные понятия, существенные для дальнейшего анализа избранного исследовательского материала.

2.1 Общие положения КДА

Критический дискурс-анализ имеет свои корни в таких науках как, например, текстовая лингвистика, социальная лингвистика, прикладное языковедение, классическая риторика или прагматика. Критический дискурс-анализ интересуется, в частности, гендерными вопросами, медиа-дискурсами и вопросами идентичности. (Wodak 2001, 3.)

Йоргенсен и Филлипс определяют место различных направлений КДА, включая подход Фэркклафа, в традициях социального конструктивизма. Конструктивизм представляет собой некоторые общие философские положения, на которых строится и КДА. Во-первых, характерным является критическое отношение к знанию. Критичность при этом означает, что никакой объективной правды или истины не существует, а то, что воспринимается как отражение «правды» или окружающего мира, является лишь его категоризацией посредством дискурса. Во-вторых, подчеркивается антиэссенциалистический взгляд на репрезентации мира, т.е., репрезентации мира понимаются специфическими и меняющимися в ходе истории. В-третьих, подчеркивается, что знания конструируются в интеракции – именно в ней постоянно ведутся переговоры о том, что является правдой, что неправдой, что является верным, что ошибочным. Наконец, КДА обращает внимание на связь между знанием и социальным поведением. При определенном конструировании реальности некоторые разновидности поведения становятся натурализованными, т.е. естественными, а некоторые неприемлемыми. (Jørgensen, Phillips 2003, 11–12; Йоргенсен, Филлипс 2004, 19–21.)

Чтобы иллюстрировать перечисленные замечания, приведем один пример: категорию «женщины» в ежедневном разговоре можно считать натурализованной. Под натурализацией имеется в виду, что категория женщины представляется неизменной и неисторической, она не нуждается в переоценке и объяснении, а является само собой разумеющейся, очевидной. С помощью КДА и эту категорию можно рассматривать как будто с новой перспективы. В этой работе категория женщины, ее репрезентация

рассматривается в контексте дискурса домашнего насилия на материале одной лекции.

2.2 Два определения дискурса

Слово «дискурс» имеет множество значений в различных, не только лингвистических, но и в социологических науках. Не существует единого мнения о том, что такое дискурс, а в различных подходах он представляется по-разному (Йоргенсен, Филлипс 2004, 14). Поэтому необходимо при каждом использовании данного термина определить, что именно под дискурсом имеется в виду. Использование одинакового термина в разных значениях объясняется тем, что в своей работе Фэрглаф (см., напр., Fairclough 1993) объединяет два теоретических подхода – лингвистический и социологический. В этой работе опираемся на определение этого термина Фэрглафом, который использует дискурс в двух значениях.

2.2.1 Использование языка в социальной практике

Дискурс может быть или устным, или письменным использованием языка. К тому же, в КДА дискурсом считаются и другие семиотические способы производства значений, такие как изображение или жест. (Fairclough 1993, 4; 1997, 75.) Упрощая можно сказать, что дискурс – коммуникация людей различными способами, будь то речь, движение, изображение. Однако в этой дипломной работе рассматривается именно устный дискурс (лекция).

В этом первом, абстрактном, значении, под дискурсом (на английском языке – discourse, uncountable) имеется в виду **использование языка как элемента социальной практики** (Fairclough 1993, 4, 63). Согласно Фэрглафу, дискурс состоит из следующих трех измерений: сам текст, дискурсивная практика и социальная практика (там же, 71–72; см. также Fairclough 1993, 4). Фэрглаф иллюстрирует соотношение этих трех измерений с помощью простого рисунка (см. СХЕМА 1), на котором сам текст расположен в середине, и его окружает

дискурсивная практика, а дискурсивную практику – социальная практика. Это представление дискурса стал классическим способом описания того, в чем заключается идея КДА.

СХЕМА 1

Трехмерное представление дискурса согласно Фэрглафу (Fairclough 1993, 73).

Трехмерный модель дискурса подчеркивает роль дискурса как элемента социальной практики. Рисунок иллюстрирует эту связь между измерениями тем, что социальная практика покрывает и дискурсивную практику, и текст. С помощью рисунка Фэрглаф конкретно показывает, что использование языка осуществляется всегда как часть социальной практики. По его определению, дискурсивная практика является формой социальной практики – иногда социальная практика может быть полностью дискурсивной, иногда частично дискурсивной, частично недискурсивной, т.е., некоторые явление социальной практики не имеют лингвистического и дискурсивного характера (Fairclough 1993, 71; Йоргенсен, Филлипс 2004, 100.) Далее в этой главе мы вернемся к трехмерной модели при рассмотрении анализа коммуникативного события.

2.2.2 Дискурс как точка зрения

Кроме названного значения, слово «дискурс» имеет, согласно Фэрглафу, также другое, более специфическое значение. В этом значении дискурс (на английском языке – *a discourse, discourses, countable*) определяется **как конструкция определенной социальной практики или как репрезентация определенной социальной практики с определенной точки зрения.** (Fairclough 1993, 5; 1997, 77, 124.) Тогда под словом «дискурс» не имеется в виду некая абстрактная структура, т.е. использование языка как такового, а характерный и устойчивый для определенной области способ использования языка.

По убеждению Фэрглафа, такие специфические дискурсы нужно назвать, чтобы определить точку зрения каждого дискурса и выделить различия между ними. Использование выражения «точка зрения» в этом контексте поможет обратить внимание на то, как одно и то же явление может быть репрезентировано различными дискурсами. Таким способом, сопоставляя, например, марксистский дискурс с либеральным, можно заметить, что политическая практика репрезентируется в них по-разному. (Fairclough 1997, 77.)

2.3 Взаимовлияние дискурса и общества

Цель КДА — установить связь между дискурсом и социальной практикой, изучать, как они влияют друг на друга или, иначе говоря, как дискурс созидает общество и созидается обществом (Fairclough 2003a, 8, 1997, 75–76). Такое представление о связи между дискурсом и социальным контекстом является центральным для КДА – дискурс понимается как форма социальной практики, которая не только отражает наши знания, но и изменяет их, как и наши идентичности и социальные взаимоотношения (Йоргенсен, Филлипс 2004, 106).

Взаимовлияние дискурса и социальной практики является довольно сложным, так как дискурс находится в постоянных диалектических отношениях и с другими социальными измерениями – социальными структурами и практиками, которые являются в разной степени дискурсивными. (Там же.) Под «социальными структурами» имеются в виду социальные отношения в обществе в целом, или в отдельных учреждениях (там же), а «социальными практиками» – экономические, политические, культурные и идеологические разновидности, в которых дискурс может проявляться в разной степени (Fairclough 1993, 66).

Роль дискурса может быть центральной, например, при чтении лекции, или более ограниченной, например, при игре в шахматы. Так, социальной практикой можно называть любую деятельность, которая является характерной в определенной сфере жизни (Fairclough 2003b, 25). Соответственно, взаимоотношения между дискурсивной практикой и социальными структурами изменяются с течением времени (Йоргенсен, Филлипс 2004, 108).

На основе вышесказанного ясно, что анализ дискурса в КДА не может остановиться лишь на текстовом уровне, а Фэрглаф соединяет лингвистический анализ с социальной теорией, так как считает необходимым междисциплинарный подход, в котором сочетаются текстовый и социальный анализ. (Fairclough 1993, 4, 36; Йоргенсен, Филлипс 2004, 107.) К такому соединению стремится метод для анализа дискурса, разработанный Фэрглафом на основе вышеописанной трехмерной модели.

2.4 К анализу коммуникативного события

Фэрглаф считает важным эмпирическое изучение конкретных текстов, живой устной и письменной речи. Для этого он соединил три разные аналитические традиции: лингвистический анализ на основе функциональной грамматики, «макросоциологический» анализ, основанный на теории Фуко (Foucault); и «микросоциологическую» традицию социологии, включая этнометодологию.

(Fairclough 1993, 72; Йоргенсен, Филлипс 2004, 107.) Мы понимаем подчеркивание разных, симультанных подходов так, что для удачного анализа и теоретизации нужно не только развивать понимание об использовании языка на абстрактном уровне, а основываться на конкретных текстах.

Ферглаф предлагает, чтобы любой анализ дискурса строился на двух направлениях: на анализе т.н. коммуникативного события и дискурсивного порядка. (Fairclough 1997, 78.) «Коммуникативное событие» является конкретным, отдельным случаем использования языка. «Дискурсивный порядок» является определением порядка всех типов дискурса – дискурсов и жанров, которые используются в каком-либо изучаемом институте либо в сфере деятельности. (Йоргенсен, Филлипс 2004, 109.) В нашем случае местом проявления изучаемого коммуникативного события является университет, научная сфера деятельности. Так как в этом исследовании конкретный анализ текста сосредоточивается непосредственно на анализе коммуникативного события, мы рассматриваем в следующем более подробно модель для его анализа.

Согласно Йоргенсен и Филлипс (2004, 112), анализ коммуникативного события включает в себя:

- 1) анализ лингвистической структуры на уровне текста;
- 2) анализ дискурсов и жанров, которые проявляются при производстве и восприятии текста на уровне дискурсивной практики;
- 3) формирование понимания о том, воспроизводит ли данная дискурсивная практика существующий порядок дискурса, либо преобразует его; и о том, какие возможные последствия это имеет для социальной практики.

Эти задачи для анализа коммуникативного события являются важными и для данной работы. Однако в этом исследовании подчеркиваются несколько другие аспекты каждого измерения. Нам важны не определенные методы анализа, а основная идея Ферглафа – осознание трехмерного конструирования текста. В следующем, при описании каждого из трех измерений, определяются конкретные задачи анализа измерения изучаемой нами лекции (см. глава 4). Хотя анализ конкретного текста, т.е. анализ использования языка при

коммуникативном событии, разделяется в анализе на три отличающихся друг от друга измерения, подчеркиваем, что все измерения – текст, дискурсивная и социальная практики – присутствуют одновременно.

2.4.1 Анализ измерения текста

При анализе текста можно обратить внимание на анализ лексики, грамматики, связности и структуры текста. Кроме этих признаков, Фэрглаф считает подходящим для анализа измерения текста изучение его когерентности и интертекстуальности. (Fairclough 1993, 75.) При анализе измерения текстовой практики Фэрглаф (см., напр., Fairclough 1993) опирается на системно-функциональную грамматику, но в этой работе мы ограничиваемся более мелкими текстовыми деталями.

В этой работе существенным является представление женщины, т.е. **репрезентация** женщины и ее действия в контексте явления **домашнего насилия**. Говоря об изучении лексики, Фэрглаф подчеркивает важность изучения того процесса, через который окружающий нас мир превращается в словесные репрезентации (там же, 77). Поэтому в текстовом анализе особое внимание обращается на лексику. Также обращается внимание на использование местоимений при обращении к студентам (см. 4.3).

Анализ текста и дискурсивной практики является взаимосвязанным. Нельзя говорить о лингвистических особенностях текста без намека на дискурсивную практику, и наоборот (там же, 73; Йоргенсен, Филлипс 2004, 111). При нашем анализе измерение текста рассматривается вместе с дискурсивной практикой, хотя мы описываем их здесь отдельно.

2.4.2 Анализ дискурсивной практики

Под дискурсивной практикой имеются в виду способы производства и восприятия текста в конкретных коммуникативных событиях. (Fairclough 1997, 81.) Измерение дискурсивной практики является соединяющим элементом между измерениями текстуальной и социальной практики (см. схема 1).

Фэрглаф обращает внимание на то, каким образом с помощью трехмерной модели анализа можно попытаться установить связь между конкретными дискурсивными процессами и теми социальными практиками, частью которых текст является (Fairclough 1993, 80).

В этой работе нас интересует происхождение и направленность текста, мы спрашиваем, откуда идет текст и куда. При этом обратим особое внимание на историчность и контекст текста. Нам не было возможно изучать восприятие лекции студентами кроме наших наблюдений во время лекции. Таким образом, вместо восприятия, мы сосредоточимся на производстве текста. Однако нам кажется, что при производстве текста всегда обязательно принимается во внимание и адресат текста, возможный читатель или слушатель текста.

Анализ измерения дискурсивной практики включает в себя изучение взаимоотношения дискурсов, жанров и стилей текста (Fairclough 2005, 36–37). В этой работе особое внимание уделяется проявляющимся в тексте дискурсам, которые мы попытаемся определить и назвать. Кроме дискурсов, анализируем некоторые особенности изучаемой нами лекции с точки зрения жанра лекции, разновидности устной научной речи.

2.4.3 Анализ социальной практики

Как было отмечено выше (см. глава 2.2.1), дискурс в его первом значении как использование языка является одним из элементов социальной практики. Когда анализируется измерение социальной практики текста, внимание обращается на особенности и характер той социальной практики, частью которой дискурсивная практика является, так как на этой основе и объясняется то, почему дискурсивная практика является такой, какая она есть. Другой задачей является обсуждение возможного влияния дискурсивной практики на социальную практику. (Fairclough 1993, 237.)

Согласно Йоргенсен и Филлипс (2004, 139), заключительные выводы исследования формируются именно с помощью анализа взаимоотношений между дискурсивной практикой и социальной практикой. Тогда

рассматриваются и возможные идеологические, политические и социальные последствия дискурсивной практики. Другими словами, необходимо исследовать взаимоотношения между дискурсивной практикой и порядком дискурса. При этом нужно ответить на вопросы, касающиеся принадлежности данной дискурсивной практики в сети дискурсов; определить контекст социальных и культурных отношений. (Там же, 138.)

На такие вопросы нельзя ответить лишь на основе лингвистических теорий. Поэтому при анализе социальной практики необходимо обратиться к социологическим теориям. Как объясняет Фэрглаф, анализ социальной практики сосредоточивается на изучении контекста проявления текста. Это может быть анализ непосредственной ситуации, окружающих институциональных систем или окружающего общества. Существенным для КДА Фэрглаф считает анализ экономического, политического и культурного контекста. (Fairclough 1997, 85.) В данном исследовании мы считаем уместным рассматривать контекст домашнего насилия в России (глава 3) как со статистической, так и социологической, экономической и исторической точек зрения на основе исследований в области домашнего насилия. Таким образом, наше понимание соотношения текста и дискурса совпадает с точкой зрения, представленной Фэрглафом.

3 ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ В РОССИИ

В этой главе рассмотрим особенности насилия в отношении женщин в общем, и в России специально. Нашей целью является показать многосторонность проблемы и множество подходов к проблеме и его решению, но и представить стремительную работу кризисных центров к предотвращению проблемы. Сначала объясним специфику домашнего насилия, его особенности и динамику. Затем перейдем к рассмотрению распространенности насилия на основе статистики и исследований. При этом рассматриваем два более подробных и обширных российских исследования, первое из которых осуществилось в 1996 году, второе в 2002 году. После того остановимся на разных западных и российских теоретических подходах к объяснению проблемы насилия в семье. В конце главы представим движение, связанное с кризисными центрами, попытаемся определить, сколько и какие центры существуют в данный момент. Кратко опишем и историю петрозаводского центра, так как лектор анализируемой нами лекции выступает в качестве директора данного центра.

3.1 Некоторые особенности домашнего насилия

В литературе о домашнем насилии² различают обычно физическое, сексуальное и психологическое насилие, иногда и экономическое и социальное. Ученые обращают внимание на такие общие черты для всех видов домашнего насилия, как повторность насилия, скрытность и молчание о наличии насилия в партнерских отношениях. Исследования показывают, что насилие в отношении женщин отличается от других видов насилия именно его цикличностью, повторностью. Этот цикл насилия разделяется на три фазы. В первой фазе накапливается напряженность. Во второй фазе проявляется насилие. В третьей фазе наступает т.н. «медовый месяц», который продолжается до того, как опять нарастает напряженность и цикл начинается заново. Часто насилие начинается как психологическое насилие, потом появляется и в экономическом, физическом и сексуальном видах. (См., например, Пискалова и Синельников 2004, 97–99; Фрида 2007, Насилие в отношении женщин 2005, 49–60.)

В изучении специфики домашнего насилия внимание обращается на то, как цикличность и интимность домашнего насилия кажутся часто посторонним непонятными. Это объясняется тем, что в повседневной жизни под насилием подразумевается нечто случившееся единожды где-то на улице, совершенное незнакомцем, это случай, в ходе которого один атакует и другой защищается. Такое представление не позволяет понимать повторность и постоянство насилия в партнерских отношениях. (См., напр., Husso 2003, 326.)

Кроме цикличности, характерным непосредственно для домашнего насилия является то, что оно происходит не в публичном месте, а в квартире семьи. Аналогично, насильником не является незнакомец, а собственный партнер. Тот же самый человек, который тебя ласкает и любит, делит общее с тобой жилье – тот же самый человек тебя и избивает. Это делает насилие в партнерских отношениях особым видом преступления, особым переживанием для потерпевшего. (Husso 2003, 13.)

² Напомним здесь о спорности самого понятия домашнего насилия (см. введение), и уточним, что нас интересует в этой работе именно насилие в отношении женщин.

Те, кто никогда не испытывал подобное, не могут понимать, почему женщина просто не уходит от своего партнера. Специфичность насилия не позволяет посторонним людям понимать, как собственный дом может являться не только местом, где испытывается страх смерти, но одновременно и убежищем от стыда, от взглядов посторонних. (Husso 2003, 326.) Нам кажется, что эти особенности домашнего насилия отражаются и на нашем материале.

3.2 Статистические данные о домашнем насилии

Как было отмечено уже во введении, официальную статистику о появлении в России семейного насилия трудно найти. Это не удивительно, так как проблема отсутствия статистики встречается тогда, когда изучаемое явление – табу, когда о нем нельзя говорить вслух, или где его, возможно, даже не осознают проблемой, нуждающейся во внимании.

Джэнет Элисе Джонсон, исследователь по домашнему и сексуальному насилию в отношении женщин в России, представляет и анализирует статистику о насилии в отношении женщин в постсоветской России. Согласно данным, собранным Джонсон от активистов, МВД и Министерства здравоохранения и социального развития, в России ежегодно умирает 12–15 тысяч женщин от руки своего партнера (Johnson 2005; см. также Римащевская и др. 1999, 192; Отчет 2006, 130).

Сравним российскую ситуацию распространенности насилия в отношении женщин с соответствующей ситуацией Финляндии: В России постоянное население составляет 142 милл. человек (Данные Росстата, 2008) и в Финляндии 5,3 милл. человек (Väestörekisterikeskus 2008), и в Финляндии умирает в среднем 30 женщин в год от руки своего партнера (см., например, Kansanterveyslaitos 2008) в сравнении с вышеупомянутыми 12–15 тысячами российских женщин. Это значит, что каждый год в России погибает в 17–20 раз больше женщин, чем в Финляндии. Другая статистика предлагает, что в России

вследствие насилия умирает 10,1 женщин на каждые 100 000 женщин в год, а в Финляндии 1,9 на каждые 100 000 женщин, что значит, что в России погибает почти в десять раз больше женщин, чем в Финляндии³ (Tilastokeskus 2001).

Такое сопоставление цифр может быть и в лучшем случае только приблизительным. Это объясняется несколькими факторами: официальную статистику о ситуации домашнего насилия трудно найти, так как случаи насилия в семье не регистрировались в СССР отдельно от других видов насилия. То же самое касается и постсоветской России: статистика о домашнем насилии до настоящего времени не ведется точно и общедоступно. (См., напр., Либоракина и Сидоренкова 2004, Фрида 2007, Johnson 2005.)

Известно, что домашнее насилие отличается от других видов насилия высокой степенью его латентности. Это объясняется, с одной стороны, нежеланием пострадавших обращаться в право- и здравоохранительные органы. С другой стороны, это объясняется нежеланием, отчасти и неспособностью правоохранительных органов обеспечить реальную защиту пострадавших. (Либоракина 2004, 552.) Можно найти и третье объяснение латентности домашнего насилия – то, что проблема насилия не осознается людьми как таковой, как в следующих двух цитатах проявляется:

В настоящее время проблема семейного насилия только начинает становиться в России предметом общественной и государственной политики, начинает обсуждаться и исследоваться. *Препятствием для решения проблем семейного насилия является ее слабая идентифицированность населением.* Актуальным является формирования адекватного понимания в обществе и у населения серьезных последствий семейного насилия. (Рощин 2003, курсив наш – С.А.)

Факт того, что *женщины не осознают, что подвергаются гендерной дискриминации* в сочетании с невысокой правовой культурой, ограничивает использование правовой системы как инструмента расширения прав женщин. (Отчет 2006, 157.)

³ В статистике не определяется, кем насилие совершено. Данные России от 1997 года, данные Финляндии от 1996 года (Tilastokeskus 2001).

Чтобы лучше освятить специфику проблемы домашнего насилия и получить более подробное представление в распространенности насилия в России, проводилось несколько исследований по теме. Мы обратим внимание на два исследования, первое опубликовано в 1996 году, второе в 2002 году.

В 1996 г. проводилось российско-американское исследование Института социально-экономических проблем народонаселения РАН и Университета Цинциннати США. Целью было исследовать семейные отношения и гендерную проблематику в контексте экономических и социальных перемен в постсоветской России. (Римашевская и др. 1999.)

Часть исследования касалась вербального и физического насилия в партнерских отношениях, но только по опыту женщин, мужчин не опросили о насилии. Были опрошены 2584 респондента, супружеские пары, которые или сожительствовали или находились в браке. Были опрошены 746 пар в Москве, 123 в Псковской области и 125 в Саратовской области. По результатам вопросов, касавшихся насилия, в плане вербального насилия московские мужчины и женщины оценивали свое поведение и поведение супруги/а примерно одинаково, т.е. мужчины и женщины оскорбляли друг друга примерно одинаково часто. (Там же, 197-199.) О случаях физического насилия сообщила $\frac{1}{4}$ часть всех московских женщин, и даже $\frac{1}{3}$ разведенных московских женщин (там же, 200, 226). В сельских регионах доля женщин, подвергавшихся насилию со стороны партнера, являлась более высокой (там же, 221, 226).

В 2002 году Совет женщин МГУ проводил исследование на тему гендерного насилия. Тогда были опрошены 2134 мужчины и женщины, отобранные по репрезентативной выборке в семи регионах России (Бурятия, Башкортостан, Карелия, Омская и Липецкая области, Ставропольский край, Москва и Подмосковье). Все вопросы о насилии относились только к текущему, официальному или гражданскому, браку. В исследовании рассматривались разные типы насилия: экономическое, психологическое, сексуальное и физическое. Выявилось, что почти две третьих опрошенных женщин подвергались угрозам или оскорблениям со стороны мужа. 46 % женщин

столкнулись с запретами со стороны мужа, например, им запретили идти куда-нибудь. Каждая седьмая женщина занималась сексом вопреки желанию под угрозой скандала или отказа денег. 48 % мужчин, но, как не удивительно, и 28 % женщин, согласились с утверждением: "Есть женщины, которые заслуживают того, чтобы их побили мужа". Больше одной трети женщин считают, что в случае насилия женщине стоит подумать, в чем она виновата. 8 % опрошенных женщин подвергаются регулярному насилию со стороны мужа. (Горшкова и Шурыгина 2003.) Надеемся, что регистрация случаев домашнего насилия продолжается и уточняется в России, и что домашнее насилие считается и в дальнейшем темой, достойной внимания исследователей.

3.3 Объяснения истоков домашнего насилия

В литературе о домашнем насилии в России можно заметить два основных подхода к объяснению существования проблемы в России. Здесь рассматриваются культурно-исторический и социально-экономический подходы, которые сопоставляются с существующими в международной литературе объяснительными моделями. Однако надо заметить, что один путь к объяснению не исключает другого, а, как правило, появление или существование явления рассматривается с нескольких точек зрения.

3.3.1 Наследие патриархата

В XVI-ом веке был создан памятник древнерусской письменной культуры, собрание советов ведения домашнего хозяйства, Домострой. Многие занимающиеся гендерными вопросами и насилием в семье ссылаются на Домострой как пример патриархатности семейных традиций в России. В том же XVI-ом веке появилась и известная не только исследователям гендерной проблематики пословица: «Бьет — значит любит» (Римашевская и др. 1999, 193).

Именно в тот период российской истории мужчина владел в своем доме не только собственностью, но и женщинами. Согласно учениям Домостроя, мужчина являлся главой семьи, и все ее члены должны были подчиняться ему. О равноправии членов семьи не было и речи, а муж имел безграничную власть и право контроля над ними. (Фрида 2007, 55.)

Действительно, Домострой поддерживает патриархальные и религиозные ценности, которые проявляются в его конкретных инструкциях для ежедневной жизни. Из-за исторического статуса Домостроя приведем несколько иллюстративных примеров. Глава 33 Домостроя учит, какими должны быть отношения между мужем и женой:

Жены мужей своих вопрошают о всяком благочинии, како душа спасти, Богу и мужу угодити и дом свои добре строити, и во всем мужу покаяться; что он накажет, то с любовью и со страхом внимати и творити по его наказанию, и по сему писанию. (Домострой 1990, 60.)

Муж является бесспорно и учителем, и повелителем жены, которая должна подчиниться ему «с любовью и страхом». Глава 39 просвещает еще раз неравные отношения мужа и жены. В этом отрывке подчеркивается, что жена является подчиненной мужу и должна советоваться с мужем до принятия даже малейшего решения:

А по вся дни мужа жена спрашивалася и советовала о всяком обиходе, и воспоминала, что надобет. А в гости ходити и к себе звати, и ссылатца, с кем велит муж. (Т.ж. 66.)

Домострой принимает во внимание и такую возможность, что жена не всегда соглашается с мужем. В случае непослушания жены, глава 42 рассказывает, как супругам надо поступать:

Достоит мужу жена своя наказывати и ползовати страхом наедине, и, наказав, да пожаловати, и примолвати, и любовью наказывати, и разсужати, а мужу на жену не гневаться, а жене на мужа – всегда жити в любви и в чистосердии. (Т.ж., 68.)

Согласно собранным Холли Джонсон объяснениям существования домашнего насилия, в феминистически направленных исследованиях домашнее насилие рассматривается часто с точки зрения историчности проблемы. В таких подходах насилие объясняется социальным конструированием маскулинной власти, которая поддерживается социально-культурными практиками (Johnson

1996 *via* Heiskanen, Piispa 2004, 8–9.) Таким образом, в случае Домостроя можно размышлять о влиянии православной церкви на распространенность домашнего насилия в России. Однако, не все соглашаются с таким объяснением. Джанет Элисе Джонсон сопоставила ситуацию домашнего насилия России, Армении, Молдавии и Украины. Она обнаружила, что чем больше в стране доля православного населения, тем более развитой является ее политика против домашнего насилия. (Johnson 2007, 394–5.)

3.3.2 Кризисные времена и социальные перемены

Альбина Пашина, исследователь и основатель одного из первых кризисных центров России в Москве, соединяет подходы объяснения насилия историческим патриархатом и социально-экономических изменений. Она обращает внимание на продолжительную традицию больших семей, где статус человека зависел от его пола и возраста. Согласно ей, эта традиция, характерная сельскохозяйственной стране, превратилась в советский период в формальное равноправие, но с двойным бременем работы для женщин и отсутствием независимого от официальной политики женского движения. Все это оказало влияние на сегодняшнюю ситуацию российской женщины. (Pashina 2004, 23.)

Кроме истории, Пашина объясняет ситуацию 90-ых гг. с помощью нескольких экономических и социальных факторов. Во-первых, начиная с 1980-ых гг. политика государства стала призывать женщин выполнить их "естественную миссию" вместо работы вне дома. Экономический и политический кризис общества вместе с экономической зависимостью женщин от мужчин приводил к высоким уровням стресса, тревожному состоянию и депрессии среди российских женщин и семей. Во-вторых, продолжает Пашина, такие факторы как перераспределение имущества, развитие рыночной экономики и внутренние конфликты страны служили источником стресса для мужчин. (Pashina 2004, 21.)

Все эти факторы, вместе с подъемом традиционной патриархальной гендерной культуры, торжеством маскулинности, и несуществующей культурой

обращения за психологической помощью привели, согласно Пашиной, к резкому росту случаев домашнего насилия. Однако она не считает происшедшее новизной, или особенностью только России, а подчеркивает, что подобные кризисные периоды порождают насилие во всех обществах. Россия не является исключением. (Pashina 2004, 21.)

Примерно одинаковую картину о ходе событий дают и Римашевская и др. В период советской власти семья находилась под контролем государства. Хотя некоторые законы менялись в течение 80 лет, постоянной была пропаганда об «идеальной советской семье». Советская модель предполагала социализацию мужчин как героев, а женщин как верных подруг, умеющих воспитывать детей и вести домохозяйство. Перестройка прежней идеологии сохранила патриархальную настройку, но теперь она скрывается под термином «естественного предназначения» полов. Однако ситуация постоянно и интенсивно меняется. (Римашевская и др. 1999, 193.)

Подобные теориям Пашиной и Римашевской, так называемые «ситуативные теории» объясняют насилие нарастающим между членами семьи стрессом и конфликтами, которые мужчина решает с помощью насилия. Часто в таких теориях подчеркивается роль алкоголя или других наркотиков. Однако к другим ситуативным стрессовым факторам причисляются непосредственно безработица, маленькие доходы и изменения в семье, например, рождение ребенка. (Johnson 1996 *via* Heiskanen & Piispa 2004, 8 - 9.)

3.4 Женское движение и появление кризисных центров

Работа против домашнего насилия основывается в России, как и в большинстве из других стран мира, на некоторых международных конвенциях, ратифицированных этими странами. Основными конвенциями можно считать «Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин»

от 1972 года и «Пекинскую декларацию» от 1995 года. Пашина подчеркивает, что конференции ООН по женским вопросам в г. Найроби в 1985 году и в г. Пекине в 1995 году являлись крайне важными для «нового» женского движения в России. Так же важным являлся первый женский съезд, «Независимый женский форум» 1991 года в г. Дубне в России. В форуме участвовали и западные феминисты, и российские активисты женского движения. Пашина считает, что именно собрание в Дубне являлось значительным для появления проблемы домашнего насилия в общественной дискуссии в России, так как там начало изменяться социальное сознание о статусе женщин. Тогда, согласно Пашиной, первый раз открыто заговорили о существовании проблемы домашнего насилия. (Pashina 2004, 23.)

По мнению Пашиной, разница в появлении кризисных центров в западных странах и в России отражается на деятельности кризисных центров. На Западе кризисные центры появились вслед за женским движением 70-ых гг., и связывались с движением за права человека в 90-ых гг. А в России типичным для деятельности кризисных центров является информирование о женских правах как правах человека и о правах человека в общем. (Pashina 2004, 24.)

Первые кризисные центры появились в Москве, и сразу вслед за Москвой и в Санкт-Петербурге, Пскове и Нижнем Тагиле в 1993–1994 гг. До 1999 г. в России были основаны примерно 30 кризисных центров. Их появление начиналось с крупных городов, но затем, с поощрением представителей западных феминистических движений, они основывались и в маленьких городах. Администрация многих городов поддержала движение и оказала помощь в основании кризисных центров. На северо-западе России также скандинавские страны и Финляндия содействовали открытию кризисных центров. (Pashina 2004, 24–26.) Существует разногласие по поводу дата появления первых центров. Например, Ляпунова и Драчова датируют идею создания неофициальных кризисных центров в 1987–1988 гг. (Lipunova, Drachova 2004, 42).

Согласно Пашиной, большинство кризисных центров начинали свою деятельность именно как **женские** организации. Только женщины работали в

них, и в начальной фазе помощь оказывали только женщинам, хотя сегодня в центрах занимаются и детьми, и семьями. Пашина утверждает, что кризисные центры являются независимыми общественными организациями. Их деятельность включает в себя, в первую очередь, профессиональную помощь пострадавшим от домашнего насилия, но центры также стараются менять отношение общества и государства к проблеме домашнего насилия. (Pashina 2004, 26–27.)

Просвещенность о проблеме на общественном уровне увеличивается медленно, но постоянно. В России разработали Национальный план от 28.06.2001 для улучшения социального статуса женщин на период 2001–2005 гг. Пашина считает план одним из первых шагов на пути к осознанию проблемы и достижением движения кризисных центров. В рамках плана основались кризисные «ветки» в социальных учреждениях разных городов страны, но, по мнению Пашиной, сотрудники не всегда являются компетентными. (Pashina 2004, 31–32.)

В России можно заметить некоторое противопоставление между негосударственными/некоммерческими и государственными/муниципальными деятелями. Показательным в этом плане, по нашему мнению, является то, что даже самых простых фактов о количестве кризисных центров трудно найти. Читая разные исследования по теме, нелегко понять, какие организации входят в число кризисных центров, только ли общественные или также муниципальные. В 1999 г. была основана всероссийская организация «Остановим насилие», сеть кризисных центров России (Pashina 2004, 24–26). Число кризисных центров составляет более 30 учреждений (Фрида 2007). Однако Ляпунова и Драчова утверждают, что муниципальные и государственные кризисные центры не могут являться членами организации (Liapunova, Drachova 2004, 44).

Кризисный центр г. Петрозаводска основали в 1998 году. Его открытию предшествовала цепь событий, о которых вспоминается и в анализируемой нами лекции. В 1995 году в г. Петрозаводске был основан Карельский центр

гендерных исследований. В следующем году к директору центра обратились с просьбой провести анкетирование и затем глубинные интервью изнасилованных женщин в г. Петрозаводске. Результаты исследования были представлены местной администрации, и они убедили чиновников в потребности приюта для женщин, подвергавшихся насилию. В 1998 году был открыт Кризисный центр для женщин, в состав которого входит и приют. Центр работает до сих пор как «Отделение помощи женщинам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации», теперь при муниципальном учреждении «Истоки» (см. подробнее глава 1.2). (Бойченко 2007.)

4 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В КОНТЕКСТЕ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ

В этой главе мы переходим к анализу лекции, записанной нами на кафедре социальной работы Петрозаводского государственного университета в декабре 2007 года. Лекция была прочитана заведующей отделением помощи женщинам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Муниципальное отделение входит в Комплексный центр социального обслуживания населения «Истоки» г. Петрозаводска. В ходе обеих частей лекции приводятся примеры из практики кризисного центра, рассказываются истории отдельных женщин. Первая и вторая части исследовательского материала не рассматриваются отдельно, а как одно целое.

Задачей анализа является рассмотреть, какое представление о женщине и ее действиях в ситуации насилия в тексте лекции строится. Попытаемся выяснить это с помощью двух тематических вопросов: Какой в данном исследовательском материале представляется женщина, подвергавшаяся насилию в семье? Какие альтернативные способы действия у женщины есть в ситуации домашнего насилия? Мы решили рассмотреть лекцию в рамках этих вопросов, так как, по нашему мнению, именно в них встречается ярче всего репрезентация (русской) женщины в дискурсе домашнего насилия в данном

исследовательском материале. Рассмотрение каждого тематического вопроса иллюстрируется отрывками из материала лекции. Анализ текстуального и дискурсивного измерений текста осуществляется при обсуждении каждого вопроса.

Кроме репрезентации женщины анализируется соответствие исследовательского материала функциям современной устной научной речи с точки зрения способов обращения говорящего к студентам. При этом обращается внимание на влияние способов обращений на представление проблемы домашнего насилия. В конце главы назовем проявляющиеся в исследовательском материале дискурсы и приведем выводы анализа. Мы уточним, что целью анализа является изучать именно те репрезентации, которые проявляются на уровне текста.

4.1 Женщина как объект насилия

В ходе лекции лектор рассказывает студентам социальной работы, что такое домашнее насилие, в чем оно заключается. В течение обеих частей лекции приводятся примеры из практики кризисного центра и рассказываются истории о клиентках кризисного отделения и приюта. В этих рассказах описывается образ женщины, подвергавшейся насилию, образ, который становится многосторонним. Сначала он кажется смутным, потом на нем рисуются облики то молодой, то пожилой, то глупой, то пассивной женщины.

В начале лекции подчеркивается, что никакой типичной пострадавшей не существует, а любая женщина может подвергаться насилию. Женщины *попадают* в приют, станут объектом насилия без собственного участия только по признаку пола, но и без возможности воздействовать на свою судьбу:

(1) [Ж]енщины страдают от насилия в течение всей своей жизни, к сожалению, начиная от рождения и заканчивая старостью. К нам *в приют попадают женщины и дети* - маленькому самому ребеночку было несколько недель, а самой пожилой женщине, которая к нам пришла, было 85 лет. То есть, нет ограничения, к сожалению, ни по возрасту, ни по

образованию, ни по социальному статусу. *Эта проблема касается всех и каждого*⁴.

- (2) *Объектом насилия может стать любая женщина*, как я уже говорила, не зависимо от возраста, образования, культурного уровня и социального положения. Не существует какой-то типичной *жертвы* насилия, это могут быть совершенно разные женщины: *и умненькие, и не очень, и богатенькие, и не очень*, и здоровые, и с проблемами.

Однако, в то же время, как в тексте ссылаются на то, что каждая женщина может оказаться в ситуации насилия, между строками слышен и другой тон, который, возможно, отстраняет явление от нас и ставить под вопрос сказанное. – Во-первых, женщина, подвергавшаяся насилию в своем быту, сопоставляется с ребенком, нуждающимся в поддержке. Во-вторых, о женщине говорится уменьшительными формами прилагательных – женщина может быть *умненькой и не очень, богатенькой и не очень*.

Иногда в данном материале молодость женщин, подвергавшихся домашнему насилию, соединяется с глупостью или недодуманностью, что выражается при выборе слов, которыми о женщине и ее действиях говорится:

- (3) Потому что в основном *это молоденькие девочки*, которые не всегда закончили какое-то образовательное учреждение, *они ничего не умеют делать, у них нет профессии, они выходят замуж за богатенького такого дядю*. А получается, что они живут в золотой клетке. У них вроде как все есть, и деньги есть, но он нашел себе другую птичку - она приходит, *она ничего не может*, у нее нет ни денег, ни возможности зарабатывать себе на жизнь.

Молоденькие девочки, клиенты кризисного центра, не учатся, а выходят замуж за *богатенького дядю*. Когда реальность наступает в жизни этих молодых женщин, *они ничего не умеют делать*.

Не все примеры рассказывают о молодых женщинах, а приют посещают и пожилые бабушки и женщины в среднем возрасте. Характерным для всех случаев, и молодых и пожилых женщин является неожиданность столкновения с насилием в собственной жизни. Неожиданность насилия в жизни женщин представляется в нашем материале через повествование лектора:

- (4) И никто, ни одна женщина мне не сказала, что вот это моя судьба. Каждая женщина говорила, что я никогда бы не подумала, что я окажусь в такой ситуации.

⁴ Курсивом выделяется тот языковой материал, который находится под нашим особым вниманием.

Это полностью соответствует результатам исследований по теме: женщины, подвергавшиеся насилию в своих партнерских отношениях, рассказывают, что они не могли себе представить, каким может быть насилие в близких отношениях, думали, что такое никогда не может произойти с ними (см., напр., Husso 2003, 256).

Хотя в тексте сказано, что женщина не верит, что насилие может произойти с ней, то, одновременно, характерной чертой (русской) женщины представляется привыкание страдать, представление страдания как части женской судьбы, с которой просто надо научиться жить:

(5) Женщина у нас какая - она *терпит до последнего*. Вот пока уже совсем не вмоготу. Тем более, всегда есть какая-то подружка, есть соседка, есть мама, куда можно прийти, выплакаться.

Снова возникает вопрос: возможно ли, что в России женщины доверяют своим подружкам, родственникам в большей степени, чем, например, в Финляндии? Можно ли предполагать, что в России порог молчания не является таким высоким, как у нас привыкли считать? Является ли насилие в семье все-таки менее табуированным в России, чем у нас, если женщины в некоторой степени привыкли считать насилие нормальной частью супружеских отношений?

В некоторых местах в исследовательском материале женщина репрезентируется пассивным существом, которое никак не реагирует на насилие. Пассивность объясняется контекстом российской реальности. С одной стороны, речь идет о экономическом положении женщины, о жилищных проблемах, о психологических взаимоотношениях супругов (см. также 3.1). С другой стороны, правоохранительные органы не всегда оказывают нужную женщине помощь:

(6) С чем еще мы сталкиваемся? С тем, что очень часто женщины, находясь в сильной зависимости от обидчика как материальной, физической, жилищной, экономической, так и в психологической, *не предпринимают ничего*. Или *не может предпринять для защиты своих прав*. Потому что даже часто, когда женщина обращается в милицию, она часто этой помощи не получает. В связи с тем, что она либо его прощает, обидчика, либо забирает заявление, либо он ее запугал, либо еще какие-то другие причины.

Поэтому перед сотрудниками кризисного центра, которые стараются помочь, предстоит задача *активизировать* женщину:

(7) И самое главное для той женщины, которая приходит к нам - не то, что мы за нее ее проблему решим. Вот она к нам приходит в приют, а мы: ну, давай, ты посиди, а мы тут все за тебя порешаем. Нет, такого нет. Для нас самое главное - *ее активизировать*, активизировать на то, чтобы она сама решала свои проблемы жизнеустройства. Поэтому это для нас - и для психолога основное, и для юриста основное. *Мы поможем, мы направим, мы проконсультируем, мы расскажем*, какие пути есть, какие есть выходы из этой ситуации. Но *она сама для себя должна решить, она сама должна делать*, и это самое ценное - то, что *женщина решает у нас проблему сама*.

В процессе активизации пассивной женщины сотрудники кризисного центра, к числу которых причисляется и лектор (*'приходит к нам', 'мы проконсультируем'* и т.д.), помогают, направляют, рассказывают женщине, как ей лучше жить дальше. Перед женщиной стоит одинаково трудная задача. Ей нужно самой решить, за что приниматься, как реагировать на ситуацию, как себя вести, какие меры принимать. Ответственность за последующие шаги остается на ней, не на сотрудниках кризисного центра.

Нам кажется, что репрезентация женщины именно в этом отношении является противоречивой – женщина представляется пассивной, но в то же время от нее ожидается активное поведение в решении достаточно значимых вопросов. Далее рассматриваются некоторые модели поведения женщины, которые представлены в анализируемом материале.

4.2 Реакция женщины на ситуацию насилия

В этом разделе сначала кратко обсуждаются проявляющиеся в данном исследовательском материале представления об истоках домашнего насилия и о ролях женщин и мужчин. Это делается для того, чтобы было легче понимать, на каком фоне представляемая в данном материале женщина реагирует на насилие, на каком фоне она выбирает свои пути выхода из ситуации домашнего насилия. После этого переходим к рассмотрению различных внутренних и внешних реакций женщин на ситуацию насилия, с помощью которых женщина пытается найти пути выхода.

4.2.1 Предположения на фоне насилия

В исследовательском материале можно обнаружить интересное представление о понимании насилия и работы против него. В этом представлении домашнее насилие осуждается, но одновременно насилие определяется общей для всего человечества проблемой, которую трудно или даже невозможно искоренить. Может быть, такое представление кажется честным описанием действительности, но в таком свете решение проблемы отдельной женщины становится сложным.

Хотя во время лекции речь идет, в основном, о ситуации домашнего насилия в России, проблема насилия ставится в международный контекст: Лектор объясняет, что в момент встречи со студентами проводится акция «16 дней против насилия», которая начинается с Международного дня борьбы с насилием в отношении женщин и заканчивается в Международный день защиты прав человека. При этом домашнее насилие определяется лектором как общая для всего человечества проблема:

(8) Еще раз говорю о том, что это не только у нас в России, не только у нас в Петрозаводске, но это *по всему миру такая проблема есть*, и с ней надо работать, и нужно помогать.

В то же время в тексте выражается неуверенность в том, в чем причина существования насилия. В нашем материале указывается неоднократно на природу, но в то же время выражается непонимание происхождения домашнего насилия:

(9) Сначала я вам расскажу в целом о проблеме, что это такое, что за насилие, что у нас *в природе существует*.

(10) И это тоже очень важно, потому что чем больше людей будет на эту тему обращать внимание и чем более открытыми и равнодушными мы будем, тем быстрее, я думаю, мы с этой проблемой будем справляться. *Мы с ней не справимся окончательно*, потому что не только это дело в нас и в обществе в целом. *Это где-то еще из корней идет*, пока это все.

(11) У него уже как бы вот это *изначально заложено*. Какие там причины - то ли это из семьи, то ли это испокон века патриархат наш любимый, то ли исторически уже сложившееся то, что женщина всегда была под мужчиной, даже в Библии сказано...

Указание на природу как объяснение домашнего насилия подчеркивается в данном материале. В литературе о домашнем насилии существуют разные

теории для объяснения насилия. Некоторые из них основываются на биологии или психологии, но они могут являться проблематичными потому, что они снимают ответственность с тех, кто использует насилие (см., напр., Lehtonen 1999, 27). В то же время адресанту анализируемого текста неизвестно, откуда идет насилие, оно может также быть *то ли* связано с семьей, *то ли* оно объясняется патриархатом (см. 3.3.1).

Хотя в тексте сомневаются в реальности искоренения явления домашнего насилия, и его исходные причины остаются нерешенным вопросом, применение насилия осуждается без сомнений. Насилие не одобряется ни при каких обстоятельствах, и ответственность за преступление лежит на насильнике:

- (12) *Нельзя оправдать насилие* ничем - ни алкоголем, ни проблемами со здоровьем, даже ни психическими расстройствами по большому счету. Насилие оправдать нельзя. Человек должен отвечать за свои поступки всегда, в любом состоянии.

Отрицание насилия обосновывается и традиционными гендерными представлениями. – Когда лектору задается вопрос о роли провокации женщины на насилие, в ответе лектора можно слышать и эхо традиционных гендерных ролей, которые здесь встают за защиту «слабого пола»:

- (13) Если ты *мужчина*, ты никогда не поднимешь руку на женщину, как бы она тебя ни оскорбляла. Ты должен сам себя ощущать мужчиной. И если уж ты говоришь, что ты *сильный пол*, то ты - сильный пол.

Проявляющаяся в исследовательском материале неуверенность о «натуре» насилия является характерной всей лекции. Неуверенность не удивляет, но можно думать, что тяжело и трудно работать с проблемой, исходные причины которой остаются под вопросом. Если причины насилия неизвестны, тогда сотрудникам кризисного центра невозможно сказать с уверенностью, как с насилием лучше всего бороться, какие стратегии более эффективны в профилактической и практической работе. По нашему мнению, это касается и самой женщины, подвергавшейся насилию.

В анализируемом тексте можно выделить четыре основных варианта того, как женщина может реагировать на ситуацию насилия.⁵ Согласно этим вариантам, женщина может испытывать чувство стыда, решать проблему насилия уходом из дома, меняться внутренне, или терпеть ситуацию в надежде улучшения ситуации.

4.2.2 Чувства стыда и вины

Возможное привыкание женщины к насилию не значит, что женщина воспринимает присутствие насилия в своей домашней жизни как нормальное явление. Напротив, она чувствует стыд из-за того, что она оказалась в такой ситуации:

- (14) У меня была женщина, которой 60 и она обратилась в первый раз. А жила она с ним 40 лет. И она обратилась в первый раз, сказала, что я все уже, исчерпался мой запас, *мне стыдно, мне до боли стыдно*, что вот тот любимый мужчина, с которым я прожила такое время, такое позволяет со мной делать.

Чувство стыда может быть связано с тем, что женщина осознает культурные ожидания, согласно которым женщина отвечает за постоянство семьи и брака. Согласно Оюри, женщина чувствует, что нарушением тишины о присутствии насилия нарушаются и те нормы, соблюдение которых делает женщину хорошей супругой и матерью. Культурная модель о роли женщины заставляет женщину до последнего стараться, чтобы ожидаемый обществом порядок сохранился, и неудача вызывает у нее чувство вины за разрушение этого порядка. (Ojuri 2004, 131.)

Чувство стыда сопровождается часто чувством вины. С одной стороны, женщине стыдно жить в насильственном партнерстве, повергаться насилию. С другой стороны, она чувствует стыд и вину и при возможном разводе, потому что это означает, что брак не получился. (Ojuri 2004, 130.) В тексте осознается

⁵ Подчеркиваем, что выделяемые нами варианты поведения женщин не являются действительными предложениями сотрудников кризисного центра или лектора, а это непосредственно дискурсивные представления поведения женщины в ситуации насилия на основе единой лекции, т.е. на основе данного исследовательского материала.

проблема столкновения женщин с чувством вины, но проблема считается необоснованной:

(15) Я считаю, что *ни одна женщина даже не должна чувствовать себя виноватой, в том, что над ней произошло насилие*. Виноват тот, кто производит это насилие. Преступник - вот он преступил эту грань. А женщина - жертва. Почему мы говорим о том, что все такие есть гендерный аспект, потому что, в основном, жертвой насилия все равно является женщина.

На фоне чувства вины Оюри находит культурно организованные нормы и ожидания, в которых женщина представляется как супруга и мать; та, которая несет ответственность за содержание семьи и человеческих отношений, за обеспеченность детей. (Ojuri 2004, 129). Оюри утверждает, что подобные чувства женщины не являются лишь ее субъективными интерпретациями о ситуации. Когда женщина говорит о своей виновности в ситуации насилия, то на фоне ее собственной интерпретации находятся культурные представления о домашней и семейной роли женщины. (Там же, 119.)

4.2.3 Уход из дома

Так, второй вариант, выделенный нами на основе лекции – или развестись или уйти из дома на некоторое время, например, в приют. В материале можно найти два примера о разводе – «17-летней девушки» (следующий текстовый пример) и «Золушки» (см. далее 4.2.5). В примере «17-летней девушки» хорошо представляются те особенности насилия, которые отличают домашнее насилие от других видов насилия (см. глава 3.1):

(16) У меня была последняя, недавно совсем, девушка. Она стала женой в 17 лет. И она к нам приходила трижды. Первый раз она пришла, тоже вот после этого острого периода. [--] Ну, жена немножко успокоилась, естественно, мы для этого и работаем, для того, чтобы женщина пришла в себя, чтобы успокоилась, чтобы поняла, что ей надо делать дальше. И она решила к нему вернуться. [--] Потом, когда она пришла к нам во второй раз, она была избита более сильно. То есть у нее лицо было просто что-то такое... Девочка очень симпатичная, очень милая. Но вот такая ситуация. Она к нему опять потом вернулась. Но в третий раз она уже ушла от него окончательно, причем уже осознанно. Она уже поняла, что просто лучше уже не будет. То есть вот эта цикличность, все равно она повторялась. Он ее задаривал потом подарками, любовь у них такая была сумасшедшая, но, тем не менее, она все равно поняла с третьего раза, что с этим человеком ей уже не по пути. Уже просто существовала реальная угроза ее жизни и здоровью.

Развод не является легким решением ни в одном из примеров, а женщине нужно время и часто несколько повторных уходов и возвращений до того как она готова развестись. Вследствие того, согласно лектору, большинство женщин возвращаются к своим партнерам: *Потому что 90% женщин возвращаются в свои семьи. Это и нормально, и вроде как ненормально.* В примере 17-летней девушки очень ярко описывается характерный, длительный процесс к решению проблемы путем развода. Женщине нужно в течение достаточно длительного времени осознать то, что ситуация не будет меняться к лучшему в будущем без действия (O'Jugi 2004, 173).

Нам кажется на основе текста, что развод может являться спорным решением в работе кризисного центра. В следующем примере у лектора спрашивают о целях работы против домашнего насилия:

- (17) В: Скажите, пожалуйста, может быть, я прослушала, вы говорили, наверное, *удается* семью-то сохранить, в основном? Или они все-таки разводятся, распадаются? О: *Это наша основная цель - сохранить семью. То есть, мы за семью. Но мы за семью без насилия.*

По вопросу студента видно, что *удачным* решением считается сохранение семьи. Ответ лектора подтверждает важность стремления сотрудников кризисного центра сохранить семью, но ответ все-таки подчеркивает, что целью работы должна быть жизнь без насилия.

В такой ситуации, где развод не всегда является реальным вариантом, женщине и сотрудникам кризисного центра необходимо придумать альтернативные пути выхода из ситуации. В исследовательском материале предлагается, что даже уход женщины из дома на некоторое время может являться достаточной мерой действия для того, чтобы ситуация изменилась к лучшему, если мужчина поймет, что женщина может уйти от него:

- (18) Она терпела, она страдала, она мучилась. Может, там к маме съездит, вернется. Но кардинально проблему не решала. А теперь *он* понял, что *кардинально она проблему решает, она может от него действительно уйти.* Он закодировался, и она к нему вернулась и пока, слава Богу, вот месяц как.

Однако этот вариант реагирования не является простым и безопасным, так как уход женщины может и провоцировать агрессию у мужчины, которого

оставляют одного. Во время лекции у лектора спрашивают, не является ли уход женщины от мужа опасным для женщины:

- (19) В: Вы говорили, что когда женщина уходит из семьи, то у мужчины появляется время подумать о том, что он может потерять свою жену. Но можно предположить, что у мужчины может появиться *негативная реакция на уход жены из дома*. О: Очень часто. В: И тогда после возвращения он может усилить свое насилие. Как вы решаете такие проблемы? О: Ну, данную проблему мы помогаем решать. Но мы ее не решаем сами, *решают женщины*.

В ответе лектора проблема осознается, но без ответа остается вопрос студента о том, как проблему помогают решать. Ответственность за следствия возможного ухода остается на женщине:

- (20) Поэтому мы никогда женщине не посоветуем: да брось ты его! Да разведись! Да зачем он тебе нужен? *Она сама должна к этому прийти*. Нужен ей этот человек для дальнейшей жизни, сможет ли эта семья сохраниться?

4.2.4 Внутреннее изменение

По лектору, так как развод редко бывает реальным вариантом для женщины, важнее оказывается внутреннее изменение женщины, появление у женщины самоуважения. Поэтому в работе кризисного центра подчеркивается роль внутреннего изменения женщины для решения проблем. Это подтверждается в следующих отрывках лекции:

- (21) У нас часто бывали такие случаи, когда женщина возвращалась в семью, но *она другая возвращалась*. У нее вроде бы *появлялось чувство самоуважения и собственного достоинства*. Самое главное-то там: они терпят унижение вот это, их пригибают, пригибают как пружинку, но в какой-то момент все равно пружинка выстреливает.
- (22) И для нас самое главное - *чтобы они от нас ушли другими*. В плане того, *чтобы они к этой ситуации уже изменили отношение свое*, чтобы они учились себя поберечь психологически. Говорят же, правда: *если ты не можешь изменить ситуацию, измени свое отношение к ней*. Себя надо уберечь.

Такие высказывания могут показаться на первый взгляд шокирующими, даже противными. Почему же не уходит женщина от насильственного партнера? Почему она является такой пассивной, наверно, ей самой нравится, что ее избивают? И как может сотрудник кризисного центра относиться к проблеме так философски?

В конце разделов 4.1 и 4.2.3 мы обратили внимание на то, что от женщины ожидается активное решение своих проблем, но при решении ее оставляют одной. Нам кажется, что ситуация женщины оказывается еще хуже в свете выделенных выше примеров – с одной стороны, предлагается, чтобы женщина изменила свое отношение к проблеме и стала самоуверенной, с другой стороны, подчеркивается, что на самом деле поведение женщины не имеет никакого эффекта на поведение мужчины:

(23) *Женщина не может, корректируя свое поведение, сбежать либо прекратить насилие. То, о чем я вам говорила. Насилие не прекратится, пока мужчина сам не поймет, что причина не в женщине, а причина в его поступках и в его осознании вот этой действительности. Поэтому в противном случае все попытки измениться будут просто пустой тратой времени.*

В тексте эксплицитно представляется, что активность женщины является бесполезной, если мужчина не испытывает внутреннего изменения. Одновременно подчеркивается важность активного действия женщины для решения проблемы насилия различными путями, но и подтверждается, что успешность решения проблемы зависит в конечном итоге не от женщины, а от мужчины.

Однако, предлагаемые женщине варианты для решения проблемы насилия (примеры 21, 22) могут быть все-таки и оправданными. Динамика домашнего насилия (см. глава 3.2) является таковой, что то, что нам кажется пассивностью, может на самом деле являться активной стратегией выживания в тяжелой ситуации. Важно иметь в виду, что и выживание женщины в течение процесса избавления от насилия является некоторым достижением, и процесс к избавлению от насилия отличается в случае каждой женщины. Можно сказать, что не существует одного правильного пути выхода, как обойтись в тяжелой жизненной ситуации, а женщины сами определяют, что они под этим имеют в виду, какие значения дают тому, что испытывают. (См., например, Ojuri 2004, 56, 189–190.)

4.2.5 Награда за терпение

Интересным, на наш взгляд, является то, что в представлении домашнего насилия на основе анализируемого текста можно видеть и что-то хорошее. Яркий пример этого в лекции – рассказ о «Золушке», клиенте кризисного центра, которая *сама по натуре человек очень жертвенный, очень отзывчивый, очень добрый*. В рассказе Золушка, вдова от первого брака испытывает много трудностей и переживаний со стороны нового, гражданского мужа. После длительного процесса и нескольких тяжелых избиений муж Золушки приговаривается к наказанию с лишением свободы. Золушка встретит своего принца через Интернет, и, в конце концов, оказывается счастливо замужем за границей:

(24) Может быть, после этого вы расскажете, и это даст надежду женщинам, которые, к сожалению, попадают в ваш приют. Дело в том, что *я вышла замуж*. И не просто вышла замуж, а уехала жить в Испанию с моими девочками и мужем. Муж мой, как вы поняли, испанец, теперь мы живем на острове Тенерифе, Канарский архипелаг. Представляете, после всего того ужаса, который я пережила в России, попасть на этот всемирный курорт. И не просто жить - знаете, *я встретила этого главного человека в моей жизни, и сказать, что мы просто счастливы - не сказать ничего*. Мы живем в полной гармонии друг с другом, в понимании. [--] Я никогда бы не могла подумать, что можно быть настолько счастливой и так сильно любить друг друга. *Мой муж для меня - и друг, и мужчина, и надежная опора*. Я никогда так себя не чувствовала, как за каменной стеной.⁶

В рассказе Золушки женщина снова репрезентируется пассивным существом, которое не является способным решить свои проблемы самостоятельно, а нуждается в помощи и взаимодействии с мужчиной. *Мой главный человек, мой муж, друг, надежная опора* решает проблемы просто своим появлением в жизни Золушки. Мы считаем, что случай Золушки является в этом отношении аналогичным примерам, где судьба женщины зависит от действия мужчины, от того, понимают ли они свою ответственность или нет (см. примеры 18, 23).

Мы выделили рассказ Золушки отдельно от стратегии внутреннего изменения и ухода из дома, хотя в ее истории можно обнаружить некоторое сходство с этими вариантами, потому что рассказ отличается от них по двум признакам. В рассказе Золушки женщина получает компенсацию за свои страдания, ее

⁶ Прямой цитат из электронного письма Золушки, также как и пример 25.

вознаграждают за ее мучения. На основе текста предлагается, что Золушка получила оправданное награждение за свое страдание в предыдущем гражданском браке. Мы считаем, что решение лектора привести пример Золушки не обязательно продуманное. Замужество за границей не является гарантией благополучия. Наоборот, женщина-мигрантка является наиболее уязвимой для причинения ей насилия. Она часто не знает о своих правах и услугах, предлагаемых пострадавшим от насилия. (Фрида 2007, 64.)

Другой отличающейся от предыдущих пример чертой рассказа является определенное философское отношение к страданию, понимание страдания как средства к настоящему умению оценить жизнь и *познать самого себя*:

(25) Я глубоко уверена, что *каждому из нас дано что-то пройти в этой жизни, дано не просто так*. Наверное, *чтобы познать самого себя, свои возможности и грани разумного, а также познать людей*. И когда приходит это самое счастье в жизни, *ты уже можешь ценить его*. Ценить каждый-каждый момент счастливой жизни и полной грудью суметь вдохнуть долгожданную удачу. И абсолютно ничего с нами не происходит просто так. На все есть объяснение. И чтобы ни случилось в жизни, всегда нужно оглянуться вокруг и увидеть кого-то еще несчастнее, чем ты. В мире столько горя и боли, что имея руки и ноги, нельзя жаловаться и просить большего.

Суть рассказа Золушки, по лектору, в том, что после трудного периода жизни женщина умеет ценить то, что имеет. Лектор заканчивает рассказ о Золушке, и тем самым и свою лекцию, следующим образом:

(26) Представляете? И такое тоже бывает. Я думаю, что *она действительно, настолько настрадалась и настолько этого счастья заслужила*, что вот, может быть, так и должно было быть, в конце концов. Может, она к этому финалу как бы и шла? Но то, что действительно, выпадают такие испытания в жизни, что не дай Бог никому.

Таким образом, согласно примеру Золушки, насилие может представляться и чем-то полезным, чем-то таким, что научит человека по-настоящему ценить свою жизнь: *Представляете, какая умница! Поэтому я тоже думаю, что надо жить и радоваться тому, что ты имеешь, что ты живешь, что все у тебя хорошо*, отмечает лектор.

До подведения итогов данного исследования обратим внимание на некоторые черты, которые являются типичными для жанра лекции, и которые придают

свой оттенок обсуждению представления женщины в контексте домашнего насилия.

4.3 Роль языковых отношений в репрезентации домашнего насилия

В разделах 4.1 и 4.2 рассматривалось представление женщины в дискурсе домашнего насилия с точки зрения репрезентации ее внешнего и внутреннего характера. Кроме того, анализировались представленные в исследовательском материале варианты поведения женщины в ситуации насилия. Однако изучение дискурсивной практики коммуникативного события включает в себя и анализ жанровых особенностей текста (см. 2.4.2). Поэтому, далее рассматриваются функции устной научной речи и их реализации на данном материале. Кроме жанровых особенностей обращается внимание на некоторые языковые средства, через которые на текстовом уровне текста устанавливается контакт между говорящим (лектором) и слушателями (студентами).

Согласно Лаптевой, жанр лекции – разновидность устной научной речи (далее УНР), которая относится к устной публичной речи (далее УПР). Главные функции УПР – сообщение, общение и воздействие. По отношению к «функции сообщения», УПР отличается от бытового общения своей информативностью, что является прямым следствием как своей общей интеллектуализированности, так и общественно значимой тематики. Важной чертой УПР является и серьезное отношение говорящего к излагаемому предмету. (Лаптева 1985, 18.) Хотя говорящий не имеет возможности общаться с аудиторией на равных основаниях, так как роли говорящего и слушающих предопределены и распределены заранее, «функция общения» проявляется также при чтении лекции (там же, 19). – Все-таки и устная монологическая речь всегда есть речь, обращенная к живому собеседнику (там же, 21). В отношении «функции воздействия» чрезвычайно важным является установление контакта с публикой (Лаптева 1985, 22).

Яницкий рассматривает т.н. средства адресованности УНР, которые являются свойственными жанру лекции. Согласно Яницкому, с помощью этих средств в ходе лекции указывается на получателя речи (адресата) и на отправителя речи (адресанта). Так как целью любой лекции является передача значимой информации студентам, отправитель речи желает установить и поддерживать непосредственный контакт с получателями речи, студентами. (Яницкий 1985, 168.) Средства адресованности, по нашему мнению, связаны с эффективным выполнением вышеописанных функций общения и воздействия.

Из представленных Яницким средств, в данной работе обращаем внимание только на два средства, указывающие на получателя речи. С помощью первого можно анализировать эффективность сообщаемого на слушателей, с помощью второго внимание обращается на действия слушателей. Первое средство – использование конструкции 'Представьте себе, (что)', которая выполняет «роль указателя условия в рассуждениях автора» (там же, 174):

(27) Насилие - это действие, когда один человек пытается добиться власти над другим. Я надеюсь, что вы никогда не узнаете, что это такое - бояться засыпать ночью и просыпаться утром, бояться пойти в магазин или куда-то выйти, зная, что когда ты вернешься, то будешь за это наказана. *Представьте себе*, что следят за каждым вашим шагом, даже если вы просто куда-то вышли. *Представьте себе*, что вы должны контролировать каждое свое слово и действие, чтобы не расстроить своего партнера, иначе вас могут ударить. *Представьте себе*, как жить, быть в тюрьме в собственном доме. *Представьте себе*, что вам стыдно признаться друзьям в том, что вы испытываете, когда приходите к себе домой.

Это средство адресованности закреплено за той сферой речевой деятельности, которая «характеризуется ориентацией на контактное изложение» (там же). По нашим наблюдениям, использованием конструкции лектор-адресант успешно устанавливает контакт со студентами, которые через сопереживание узнают о предмете обучения, домашнем насилии. Таким образом, в этом примере исследовательского материала проявляется и функция воздействия.

Второе средство указывания на получателя речи – использование местоименно-глагольных форм 2-го лица множественного числа, с помощью которых выражается действие слушателей (там же, 174–175). И в нашем материале

лектор обращается к студентам этими формами, но оказывается, что речь направлена в первой очереди только студенткам:

(28) Знаю, что *вам* отменили лекции какие-то. Надеюсь, что вы об этом не пожалеете после встречи нашей с вами. Я надеюсь на это тоже. Очень рада я видеть юношей, потому что я считаю, что эта тема очень актуальна не только для женщин, но и для мужчин тоже. Будущих мужей. Надеюсь, что тоже *их* эта тема заинтересует, и мы узнаем и *их* мнение в конце нашей встречи тоже.

(29) Вот мне бы хотелось еще услышать *юношей ваших*. Вообще *как они восприняли* эту тему? Насколько *вы* считаете эта тема серьезная? Не просто так, тетki пришли, языками поболтали, а так, в принципе, проблемы не существует. Считаете ли вы, что есть такая проблема действительно и с ней надо как-то работать?

В примерах 28 и 29 очевидно проявляется исключение студентов, *юношей, мужчин* из круга общения. Местоименно-глагольные формы *вам, вы, пожалеете* и т.д. указывают лишь на присутствующие в лекции женщины. Это демонстрируется тем, что говорящий обращается к мужчинам с помощью местоименно-глагольных форм **3-го лица** множественного числа, как будто они находились где-то в другом месте за стеклянной стеной, где их видно, но с ними нельзя общаться. Правда, в примере 29 говорящий обращается и непосредственно к присутствующим мужчинам, но только после того, как их сначала устраняют от темы обсуждения.

Анализируемый нами текст совпадает со всеми вышеописанными функциями УПР. В нем передается сообщение об общественно важном явлении домашнего насилия, к которому говорящий относится серьезно. В нем также ведется общение со студентами социальной работы, с которыми, согласно нашим наблюдениям, устанавливается интенсивный контакт. Студенты, молодые, лет 17-20, не шумят, а концентрируются на теме лекции и задают много вопросов. Можно предполагать, что лекция строилась бы иначе, если бы она была направлена на взрослую аудиторию. Может быть, она содержала бы меньшее количество примеров о молодых девушках, а в примерах рассказывалось бы больше о женщинах среднего возраста.

Лекция отвечает функциям УПР, хотя речь лектора является частично разговорной. Согласно Лаптевой, тенденция такова, что УПР становится все более терпимой к использованию неcodифицированных элементов (Лаптева

1985, 32). В любом случае, идеал УПР – максимум доверительности и взаимопонимания с аудиторией; в противном же случае выполнение функции воздействия становится невозможным (там же, 35). Непринужденность речи лектора в данном исследовательском материале можно считать успешной стратегией привлечения внимания студентов, но в свете приведенных нами примеров исследовательского материала, можно задать вопрос, насколько эффективно функции жанра лекции действуют при исключении из обсуждения проблемы группы мужчин.

4.4 Выводы

Приведение выводов анализа исследовательского материала включает себя обсуждение трех основных моментов. Сначала называются проявляющиеся в материале дискурсы (см. 2.2.2). Затем обсуждаются присутствующие на дискурсивном уровне текста противоречия, и их отношения к социальному контексту лекции.

В рассматриваемом нами исследовательском материале можно выделить несколько отличающихся друг от друга дискурсов. Мы называем «официальным дискурсом» работы против насилия тот дискурс, который основывается на международных конвенциях по правам человека и практике кризисных центров. В этом дискурсе отказываются от обвинения жертвы насилия (Фрида 2007, 58); и утверждается, что женщина не должна чувствовать себя виноватой любых обстоятельствах (см. пример 15). Таким же образом, насилие всегда осуждается и отрицается (см. пример 12). На более общем уровне официальный дискурс лекции иллюстрируется и в установлении лекции в контексте международной кампании против насилия в отношении женщин (см. 4.2.1). На основе истории появления кризисных центров и работы против насилия в отношении женщин в России (см. глава 3.4) можно предполагать, что официальный дискурс основывается на феминистическом дискурсе и на дискурсе прав человека и является распространенным в работе российских кризисных центров.

Однако, картина не совсем простая и однозначная, а в дискурсе домашнего насилия можно отличить и противоречивые с официальным дискурсы. Из них мы выделяем «дискурс традиционных гендерных представлений», который проявляется ярче всего в контексте осуждения насилия на основе традиционных представлений о мужчинах как сильных и мужественных (см. пример 13) покровителей женщин. Нам кажется, что дискурс традиционных гендерных представлений проявляется и тогда, когда русская женщина описывается привыкшей страдать (см. пример 5). Согласно теории, выделенной Джонсон о значении половых ролей в существовании домашнего насилия, мужчины и женщины выучивают определенные модели поведения через социализацию. За ролями по половому признаку стоят стереотипные представления о мужчинах и женщинах, и отличающиеся друг от друга процессы социализации девочек и мальчиков. (Johnson 1996 *via* Heiskanen & Piispa 2004, 8–9.) Можно сказать, что этот дискурс ассоциируется и дихотомическим противопоставлениям сильный–слабый, активный–пассивный, независимый–зависимый, где мужчина описывается выделенным на первом месте прилагательным, а женщину соответственно выделенным на втором месте прилагательным.

Дискурс традиционных гендерных ролей связан, естественно, с «дискурсом нуклеарной семьи», которая проявляется в цели сохранения семьи (пример 18), и в которой вышеупомянутая социализация по половой роли происходит. Дискурс нуклеарной семьи можно обнаружить в исследовательском материале также в том факте, что лекция строится на основе варьируемых между собой рассказов о молодых женщинах, которые выходят замуж и являются зависимыми от мужа. По нашему мнению, речь идет о нормативности институтов семьи и брака в России, которые являются такими натурализованными.

Натурализованным репрезентируется и само явление домашнего насилия, о котором говорится с помощью «дискурса естественности». Этот дискурс проявляется в тех выдержках материала, где насилие определяется явлением, которое всегда существовало в природе (примеры 9, 10, 11).

Особенно важным и сильным в материале исследования является «дискурс страдания». Он проявляется в обсуждении внутреннего изменения (см. 4.2.4), где насилие является неизменным положением дел, с которым нужно научиться жить. Дискурс страдания можно найти и в случае Золушки (см. 4.2.5). В этом дискурсе страдание вследствие домашнего насилия приобретает свойства, с помощью которых можно познать самого себя и других людей по-настоящему, и даже получить награду (см. примеры 24, 25, 26). В дискурсе страдания насилие, по нашему мнению, не только оправдывается, но и получает некий священный оттенок с тем, что оно изменяет жизнь того, кто испытывает насилие. Дискурс страдания напоминает нам о христианском учении, в котором человек может освободиться и попасть в рай через страдание. Нам кажется, что в рассказе Золушки и в комментариях лектора идет речь об общечеловеческой нужде видеть смысл в хаотической время от времени жизни. В жизни человека происходит много такого, над чем человек не имеет контроля, и тогда ему легче думать, что в страдании должно быть что-то хорошее, чтобы он мог себе объяснить случившееся. Поэтому о случае Золушки можно говорить и как о «сказочном дискурсе», так как ее история является скорее исключением, чем правилом в контексте домашнего насилия.

Как можно заметить, названные нами дискурсы являются противоречивыми между собой. Фэрглаф считает, что определенные дискурсивные стили не являются собственностью какой-то одной политической или идеологической структуры, а одни и те же дискурсы можно использовать в разных целях (Fairclough 1992, 67). В этом материале все эти дискурсы пользуются в целях воздействия, в целях сообщения и общения (см. 4.3). В строении и выборе дискурсивных и стилистических способов студенты принимались во внимание. Свое влияние на множество дискурсов, проявляющихся в лекции, оказывает и тот факт, что говорящий выступает не в качестве университетского профессора, а в качестве сотрудника местного кризисного центра. Поэтому не удивляет разговорная лексика и множество уменьшительных слов – это эффективная стратегия к привлечению внимания студентов.

Однако нам кажется, что проявляющие в лекции противоречия могут сделать явление домашнего насилия трудным для восприятия. Хотя мы пытались концентрироваться непосредственно на репрезентации женщины и ее деятельности в дискурсе домашнего насилия, оказалось, что мужчин нельзя избегать.

Исследуемый нами материал содержит множество противоречий, в которых мужчина играет важную роль. Женщине говорят, что ей надо быть активной, действовать в решении своих проблем. Однако, в то же время подчеркивается, что женщина сама не может изменить ситуацию, если мужчина не понимает, что он поступает неправильно. Женщине также предлагается внутреннее изменение в своем отношении к домашнему насилию, так как она не может изменить поведения мужчины. Таким образом, вся надежда о настоящем изменении ситуации к лучшему лежит на мужчине.

И сразу появляется еще одно противоречие – мужчину исключают весьма строго из обсуждения проблемы, хотя его и все общество призывают помочь в решении проблемы – которую, как выше говорилось, нельзя решить окончательно (см. примеры 9, 10, 11). Что данный исследовательский материал может рассказать нам о русском обществе? На основе этого текста нам кажется, что отношения женщин и мужчин являются отдаленными. Сферы действия мужчин и женщин отделены друг от друга таким образом, что «домашние» проблемы остаются проблемами женщин. Поэтому женщины и отвечают за решение проблем, несмотря на то, что и мужчины являются активными участниками в проявлении домашнего насилия. Та ответственность, которая от мужчин все-таки ожидается для решения проблемы домашнего насилия (см. 4.2.4, пример 24), является трудно достижимой, пока не существует достаточно сильной системы контроля над их поведением. (Johnson 1996 *via* Heiskanen & Piispa 2004, 8 - 9.)

Таким образом, категорию женщины нельзя рассматривать отдельно от категории мужчин, а они являются в сложной взаимосвязи. Дискурсивное многообразие, одновременное присутствие противоречивых дискурсов, свидетельствует о натурализованности явления домашнего насилия и

гендерных ролей на фоне проблемы. Можно сказать, что дискурс домашнего насилия является многообразным и нелегким для анализа, но его изучение поможет нам более глубоко осознать, какие дискурсы соревнуют между собой при обсуждении домашнего насилия.

5 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью данного исследования являлся рассмотрение представления женщины в дискурсе домашнего насилия на примере лекции по теме домашнего насилия. Лекция была записана в г. Петрозаводске и прочитана сотрудником местного муниципального кризисного центра. Перед анализом исследовательского материала была представлена теория критического дискурс-анализа. Затем характеризировалось явление домашнего насилия, и определился исторический и социологический контекст работы профилактики домашнего насилия в России. На основе критического дискурс-анализа мы попытались конкретно ответить на следующие вопросы: Какой представляется женщина, подвергавшаяся домашнему насилию? Как женщина реагирует в ситуации насилия? Какой является роль женщины в решении проблемы домашнего насилия? При анализе лекции мы рассмотрели репрезентацию женщины с двух точек зрения – представления ее характера, и представления ее действия. Кроме того мы остановились отдельно на влиянии средств установления контакта, указывающих на студентов, присутствующих на лекции.

На основе проведенного анализа выяснилось, что представление женщины в контексте домашнего насилия сформировалось с помощью противоречащих между собой дискурсов. В этих дискурсах женщина представлялась то

молодой, то пожилой, то пассивной, но всегда в отношении к мужчине. Хотя мы пытались концентрироваться непосредственно на репрезентации женщины и ее деятельности в решении проблемы домашнего насилия, оказалось, что мужчин нельзя избегать.

Исследуемый нами материал содержал множество противоречий, в которых мужчина играл важную роль. Женщине говорили, что ей надо быть активной, действовать в решении своих проблем. В то же время подчеркивалось, что женщина сама не может изменить ситуацию, если мужчина не понимает, что он поступает неправильно. Соответственно, женщине предлагалось внутреннее изменение в своем отношении к домашнему насилию, так как она не может изменить поведения мужчины. Таким образом, вся надежда о настоящем изменении ситуации к лучшему ложилась на мужчину.

В этой работе тема домашнего насилия рассматривалась непосредственно с точки зрения репрезентации образа женщины. Однако мы считаем, что к теме домашнего насилия можно и нужно было бы подойти и с точки зрения репрезентации категории семьи, но это останется задачей будущего. Еще один возможный подход к теме был бы рассмотрение отношений персонала кризисного центра и их клиентов на аутентичном материале с помощью критического анализа. Мы считаем нужным получение более подробной информации о подготовке сотрудников кризисных отделений. Также всем занимающимся проблемой домашнего насилия в России была бы необходима информация о регистрации случаев домашнего насилия как отдельной категории преступности. Присутствие такой статистики является нужным и для того, чтобы мотивировать муниципальные и государственные власти в работе против насилия. Надеемся, что работа кризисных центров для женщин, подвергавшихся домашнему насилию, а также работа для просвещения населения, будут продолжаться и развиваться и в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

ИСТОЧНИКИ

Лекция, прочитанная заведующей отделением помощи женщинам, пострадавшим от насилия в быту, Центра социального обслуживания населения «Истоки». Г. Петрозаводск в 6.12.2007.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Аликина, С. 2008. Нургалиев предложил создать реабилитационные службы помощи конфликтным семьям. Электронный портал службы новости *ИТАРТАСС*.
<http://www.itartass.com/level2.htmlNewsID=12393870&PageNum=0>. Дата ссылки 20.2.2008.
- Глоссарий. Московский центр гендерных исследований. Информационные ресурсы для продвижения гендерного равенства.
<http://www.gender.ru/index.php?id=2&subid=3#H0401>. Дата ссылки 28.2.2008.
- Горшкова, И., Шурыкина, И. 2003. Совет женщин МГУ провел исследование. Не нарывайся! Интернетовый портал *Moscow University Alumni Club*.
<http://www.moscowuniversityclub.ru/home.asp?artId=115>. Дата ссылки 28.02.2008.
- Данные Росстата о демографической ситуации на 1 января 2008 г. Интернетовый портал *Демография.ру*.
http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=21&idArt=1051. Дата ссылки 14.4.2008.
- Домострой*. 1990. Составление Колесова В. В. Подготовка текстов Рождественской В. В., Колесова В. В., Пименовой М. В. Москва: Советская Россия.
- Йоргенсен, М. В., Филлипс, Л. Дж. 2004. *Дискурс-анализ. Теория и метод*. Харьков: Гуманитарный центр.
- Лаптева О. А. 1985. Общие особенности устной публичной (научной) речи. В кн. *Современная русская устная научная речь. Том 1. Общие свойства и фонетические особенности*. Под ред. Лаптевой О. А. Красноярск: Издательство Красноярского Университета, 12–39.
- Либоракина, М. И., Сидоренкова, Т. А. 2004. Нет насилию в семье. Общественная экспертиза законопроекта «Об основах социально-правовой защиты от насилия в семье». В кн.: *Гендерная экспертиза и законодательная политика*. Под ред. Изотовой Е.В., Кочкиной Е.В., Машковой Е.В. Москва: Аванти плюс, 548–565.
- Насилие в отношении женщин. 2005. = *Насилие в отношении женщин — нарушение прав человека: международные документы и их применение*. 2005. Ред.-составитель Синельников А. Москва: Национальный центр по предотвращению насилия «АННА».
- Отчет. 2006. = *Отчет о выполнении положений конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Российская Федерация. Февраль 2006 г.* 2006. Издание второе, исправленное. Издатель: American Bar Association and Central European and Eurasian Law Initiative.

- Отпечатано в России при участии ООО «Олимпус», Москва. Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Московская типография № 6», Москва.⁷
- Пискалова, М., Синельников, А. 2004. *Между молчанием и криком. История, культура, политика и домашнее насилие*. Москва: Эслан.
- Римашевская, Н., Ванной, Д., Малышева, М., Куббинс, Л., Мещеркина, Е. и Пискалова М. 1999. *Окно в русскую частную жизнь: супружеские пары в 1996 году*. Москва: Academia.
- Рошин С.Ю. 2003. Гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин в России в контексте целей развития тысячелетия. Интернетовый магазин *Open Women Line*. <http://www.owl.ru/rights/undp2003/8.htm>. Дата ссылки 20.11.2007.
- Фалалеев, М. 2008. Бьет – не значит любит МВД ужесточает меры против домашнего насилия. Электронная газета *Российская Газета*, Федеральный выпуск №4594. <http://www.rg.ru/2008/02/21/nasilie.html>. Дата ссылки 26.2.2008.
- Фрида. 2007. = *Фрида. Права человека, женщин и девочек. 2007*. Под ред. Курилка, О. S.I.: Art-Print Oy.
- Ясницкий, Ю. Г. 1985. Способы выражения авторского “я” в устной научной речи. В кн. *Современная русская устная научная речь. Том 1. Общие свойства и фонетические особенности*. Под ред. Лаптевой О. А. Красноярск: Издательство Красноярского Университета, 187– 202.
- Fairclough, N. 1993 [1992]. *Discourse and Social Change*. First paperback edition. Cambridge: Polity Press.
- Fairclough, N. 1997. *Miten media puhuu*. Tampere: Vastapaino.
- Fairclough, N. 2003a [1992]. First published 1992, third impression 1998, transferred to digital print on demand 2003. Introduction. Teoksessa: *Critical Language Awareness*. Ed. Norman Fairclough. London and New York: Longman, 1–29.
- Fairclough, N. 2003b [2000]. *New Labour; New Language?* London and New York: Routledge. Third reprint.
- Fairclough, N. 2005 [2003]. *Analysing Discourse Textual Analysis for Social Research. 3th impression*. London and New York: Routledge.
- Heiskanen, M.; Piispa, M. 1998. *Usko, toivo, hakkaus – kyselytutkimus miesten naisille tekemästä väkivallasta*. Helsinki: Oy Edita Ab.
- Husso, M. 2003. *Parisuhdeväkivalta Lyötyjen aika ja tila*. Jyväskylä: Gummerus.
- Johnson, J. E. 2005. Violence against Women in Russia. In *Ruling Russia: Law, Crime, and Justice in a Changing Society*. Ed. Pridemore W. A. Lanham, Boulder, New York, Toronto, Oxford: Rowman & Littlefield Publishers Inc, 147 – 166.
- Johnson, Janet Elise (2007): Domestic Violence Politics in Post-Soviet States. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*. 14 (3), 380-405.
- Jørgensen, M., Phillips L. 2000. *Diskursanalys som teori och metod*. Lund: Studentlitteratur.
- Lehtonen, A., Perttu, S. 1999. *Naisiin kohdistuva väkivalta*. Helsinki: Kirjayhtymä.
- Kansanterveyslaitos. 2008. Tapaturmiin ja väkivaltaan kuolleiden naisten yleisimmät kuolemansyyt ikäryhmittäin (1km) vuonna 2006.

⁷Электронное издание можно найти на сайте Американской Ассоциации Юристов «The American Bar Association»: <http://www.abanet.org/rol/publications/russia-cedaw-ru.pdf>. В этой работе ссылается на печатную версию.

- http://www.ktl.fi/attachments/suomi/terveydenhuollon_ammattilaisille/tapaturmat/kuolemansyyt/2007/tapaturmat_naiset.pdf. Viitattu 17.5.2008.
- Liapunova, O., Drachova I. 2004. Crises Centres for Women in North West Russia: Ideology, Management and Practice. In *Crises Centres and Violence against Women Dialogue in the Barents region*. Ed. By Aino Saarinen and Elaine Carey-Bélanger. Oulu: Oulu University Press, 39–68.
- Nenola, A. 2006. Väkivallan monet nimet. Teoksessa *Välimatkoilla kirjoituksia etnisyydestä, kulttuurista ja sukupuolesta*. Toim. Kupiainen Tarja, Vakio, Sinikka. Joensuu: Suomen Kansantietouden Tutkijain Seura, 293–305.
- Ojuri, A. 2004. *Väkivalta naisten elämän varjona. – Tutkimus parisuhdeväkivaltaa kokeneiden naisten elämäkulusta ja selviytymisestä*. Rovaniemi: Lapin Yliopistopaino.
- Pashina, A. 2004. The Crisis Centre Movement in Russia: Characteristics, Successes and Problems. In: *Crises Centres and Violence against Women Dialogue in the Barents Region*. Ed. Saarinen, Aino, Carey-Bélanger, Elaine. Oulu: Oulu University Press, 19–38.
- Pietikäinen, S. 2000. *Discourses of Differentiation Ethnic Representations in Newspaper Texts*. Dissertation. Jyväskylä: Jyväskylä University Printing House.
- Väestörekisterikeskus. 2008. Suomen väkiluku vuodenvaihteessa 2007–2008. [http://www.vaestorekisterikeskus.fi/vrk/files.nsf/files/C10998E033F7095EC2257408003A3AB5/\\$file/Asukasluku_2007_2008.htm](http://www.vaestorekisterikeskus.fi/vrk/files.nsf/files/C10998E033F7095EC2257408003A3AB5/$file/Asukasluku_2007_2008.htm). Viitattu 14.4.2008.
- Tilastokeskus. 2001. Naisiin kohdistuva väkivalta yleisintä Argentiinassa ja Brasiliassa - kuolemaan johtava Venäjällä: taulukot. Taulukko 2. Väkivaltaan kuolleet naiset 100 000 henkeä kohti eri maissa (ikävakiodut luvut). http://www.stat.fi/tup/tieto aika/tilaajat/ta_10_01_naisvakiv_tau.html#taulukko_2. Viitattu 17.5.2008.
- Wodak, R. 2001. What CDA is about – a summary of its history, important concepts and its developments. In *Methods of Critical Discourse Analysis*. Ed. Wodak, Ruth, Meyer, Michael. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications, 1–13.

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Бойченко, Л. Д. 2007. Домашнее насилие: социальные, психологические и юридические проблемы. К.и.н., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северного филиала Российской правовой Академии МЮ РФ. Доклад прочитан 4.12.2007 в г. Петрозаводске.
- Jäppinen, M. 2006. *Perhekeskeisyyden ja feminismin ristipaineessa. Kuva parisuhdeväkivallasta udmurtialaisessa naisten kriisikeskuksessa*. Pro gradu -työ. Helsingin yliopisto, valtiotieteellinen tiedekunta, yhteiskuntapolitiikan laitos, sosiaalityö.
- Saarinen, A. 2005. Barentsin kriisikeskukset väkivaltaa ja prostituutiota vastaan – yhteistyötä ja erikantaisuuksia. Tutkija, Oulun yliopisto, Aleksanteri-instituutti. Luento Helsingin yliopistolla 20.07.2005.